

Т.Б. Маколей

Полное собрание сочинений
Том 12. История Англии. Часть 7

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Т11

Т11 **Т.Б. Маколей**
Полное собрание сочинений: Том 12. История Англии. Часть 7 / Т.Б. Маколей – М.: Книга по Требованию, 2021. – 266 с.

ISBN 978-5-4241-8949-4

ISBN 978-5-4241-8949-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ АНГЛИИ.

ГЛАВА XXI.

Различно было впечатлѣніе, произведенное въ разныхъ странахъ Европы извѣстіемъ о смерти Маріи. Но во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ были гугеноты, изгнанники эти оплакивали избранницу-царицу, которая уменьшала свою королевскую пышность, чтобы давать пищу и кровь гонимому народу Божію. (а) Въ Голландіи, гдѣ ее близко знали и всегда любили, о ней очень жалѣли. Матью Прайоръ, своими талантами и знаніями заслужившій покровительство щедрого Дорсета и служившій теперь при посольствѣ въ Гагъ, писалъ, что холоднѣйшая и безстрастнѣйшая изъ націй показала чувствительность, и самый мраморъ плачетъ. (b) Кембриджскій и оксфордскій плачъ имѣлъ echo себѣ въ Лейденѣ и Утрехтѣ. Генеральные штаты надѣли трауръ. Много дней колокола голландскихъ церквей повторяли похоронный звонъ. (c) Но Іаковъ строго запретилъ являться въ трауръ

(а) См. рѣчь Клода на кончину Маріи.

(b) Письмо Прайора къ лорду и леди Лексингтонъ, 14/24 янв. 1695, въ *Lexington Papers*, сборникъ важныхъ матеріаловъ, прекрасно изданныхъ.

(c) *Monthly Mercury* for January 1695. Одинъ изъ ораторовъ, восхвалявшихъ королеву въ Утрехтѣ, дошелъ до такой цельности, что утверждалъ, будто свои послѣднія минуты она употребила на молитву о благоденствіи Голландіи. По его увѣренію, ея послѣднія слова были: «Va-leant et Batavi; sint incolumes; sint florentes; sint beati: stet in aeternum,

рѣ въ Сенъ-Жерменѣ и выпросилъ у Людовика такое же запрещеніе для Версаля. Нѣкоторые изъ первыхъ аристократовъ Франціи, въ томъ числѣ герцоги Бульонъ и Дюръ, были въ родствѣ съ Нассаускимъ домою и прежде всегда строго соблюдали требованія траурнаго этикета въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ лицъ этого дома. Теперь имъ было запрещено надѣвать трауръ, и они повиновались; но не во власти великаго короля было сдѣлать то, чтобы его благовоспитанные и остроумные царедворцы не шептали другъ другу, что нельзя безъ презрѣнія видѣть этого мщенія надъ трупомъ, мщенія отца дочери. (*)

Іаковъ и его соизгнанники одушевились теперь надеждами, какъ не были одушевлены никогда со времени Ла-Гогской битвы. И точно: общее мнѣніе политическихъ людей и въ Англіи, и на континентѣ было то, что Вильгельму невозможно будетъ удержаться на престолѣ. Онъ и продержался на немъ до сихъ поръ только помощью жены, говорили они. Ея привѣтливость примиряла многихъ изъ тѣхъ, кого отталкивали его сухіе отвѣты и ледяной взглядъ. Ея англійскія чувства, вкусы, рѣчь очаровывали многихъ изъ тѣхъ, кому не нравились его голландскіи привычки и голландскій акцентъ. Она не принадлежала къ ультра-англиканской партіи, но любила англиканское богослуженіе, въ которомъ была воспитана, охотно и почтительно исполняла обряды, которые онъ считаетъ — не грѣхомъ, а больше — ребячествомъ и присутствовать при которыхъ ему непріятно. Пока будетъ война, ему необходимо будетъ проводить почти половину года далеко отъ Англіи. Прежде, когда онъ уѣзжалъ, она замѣняла его и замѣняла прекрасно. Кому онъ поручить замѣнять его теперь? Какого на-

stet immota praeclarissima illorum civitas, hospitium aliquando mihi gratissimum, optime de me meritum.» (Да благоденствуютъ и голландцы; да не знаютъ бѣдствій; да процвѣтаютъ; да блаженствуютъ; да стоитъ во вѣкъ, да стоитъ непоколебима главная ихъ держава, бывшая нѣкогда пріятнѣйшимъ моимъ жилищемъ, гостепріимнѣйшимъ для меня.) См. также рѣчи Питера Франсіуса амстердамскаго и Ганса Ортвинуса дельотскаго.

(*) *Journal de Dangeau, Mémoires de Saint Simon.*

мѣстника можетъ онъ считать такимъ надежнымъ, какъ ее? Какого намѣстника будетъ такъ уважать нація? Потому, всѣ государственные люди Европы находили, что его трудное и опасное положеніе стало гораздо труднѣе и опаснѣе прежняго по смерти королевы. Но всѣ государственные люди Европы обманулись, и, странно сказать, его царствованіе было несравненно счастливѣе и спокойнѣе по смерти Маріи, чѣмъ при ея жизни.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ онъ потерялъ нѣжно любимого и самаго драгоценнаго друга, смерть избавила его отъ самаго страшнаго врага. Она и въ Парижѣ работала такъ же дѣятельно, какъ въ Лондонѣ. Въ то время, какъ Теннисонъ молился у кровати Маріи, Бурдалу совершалъ елеосвященіе надъ Люксембуромъ. Этотъ великій полководецъ никогда не былъ въ милости у своего двора; но когда дворъ узналъ, что его хлело, изнуренное войною и наслажденіями, разрушается опасною болѣзнію, дворъ понялъ всю цѣну такого слуги. Король послалъ своихъ медиковъ пользоваться его и приказалъ сенъ-сирскимъ монахинямъ молиться за него. Но молитвы и лекарства были уже напрасны. «Какъ будетъ радъ принцъ Оранскій, когда дойдетъ до него извѣстіе о нашей потерѣ,» сказалъ Людовикъ. Но онъ ошибся: это извѣстіе нашло Вильгельма неспособнымъ думать ни о чемъ, кромѣ своей потери. (*)

Смерть
Люксан-
бура.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ смерти Маріи Вильгельмъ оставался неспособенъ даже къ труду. На адреса палатъ парламента онъ отвѣчалъ лишь нѣсколькими невнятными словами. Тѣ отвѣты, которые помѣщены въ журналахъ палатъ, не были сказаны имъ, а были доставлены въ палаты на бумагѣ. Тѣ дѣла, которыхъ нельзя было отсрочить, велись чрезъ посредство Портланда, который и самъ былъ въ сильной печали. На нѣсколько недѣль Вильгельмъ прервалъ свою важную и откровенную переписку съ Гейнзигсомъ. Наконецъ онъ принудилъ себя возобновить ее; но его первое письмо—письмо челоуѣка съ убитою душою. Даже его воинственность изнемогла отъ скорби. «Скажу вамъ,—пусть

Печаль
Виль-
гельма.

(*) SAINT SIMON; DANGLAU; *Monthly Mercury* for January 1695.

это останется между нами, — что я чувствую себя уже неспособным командовать войсками,» писалъ онъ: «но я постараюсь исполнить мой долгъ и надѣюсь, что Богъ укрѣпитъ меня.» Такъ уныло онъ готовился къ самому блистательному и успѣшному изъ своихъ походовъ. (*)

Засѣданія парламента. Освобожденіе печатнаго слова.

Парламентская работа шла безъ перерыва. Въ то время, какъ Вестминстерское аббатство одѣвалось трауромъ для похоронъ королевы, палата общинъ приняла рѣшеніе, которое тогда почти не обратило на себя вниманія, не вызвало никакихъ выражений удовольствія или неудовольствія и осталось незамѣченнымъ въ многотомныхъ книгахъ анналистовъ, для исторіи котораго почти не находимъ матеріаловъ и въ архивахъ парламента, но которое сдѣлало для свободы больше, чѣмъ даже Великая Хартія или Билль о Правахъ. Въ началѣ сессіи была назначена палатою общинъ комиссія пересмотрѣть, какимъ изъ временныхъ постановленій оканчивается срокъ и какія изъ нихъ полезно будетъ продолжить. Она представила свой докладъ, и всѣ пункты этого доклада были приняты палатою, кромѣ одного. Въ числѣ законовъ, продлить дѣйствіе которыхъ предлагала комиссія, находился законъ, подчинявшій литературу цензурѣ. Дошла очередь до вопроса: «Палата соглашается съ комиссіею въ рѣшеніи, что актъ, имѣющій заглавіе: актъ для предупрежденія злоупотребленій, совершаемыхъ печатаніемъ мятежныхъ, измѣнническихъ и не позволенныхъ цензурою памфлетовъ, и для сохраненія печатанія и типографій въ порядкѣ, продолжается.» Спикеръ объявилъ, что по этому вопросу большинство имѣетъ «нѣтъ»; а меньшинство, бывшее за «да», не почло нужнымъ требовать счета голосовъ.

Билль внесенъ, принятъ и посланъ въ палату лордовъ билль о продленіи дѣйствія всѣхъ другихъ временныхъ законовъ, дѣйствіе которыхъ надобно было продолжить по мнѣнію комиссіи. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился съ важнымъ измѣненіемъ.

(*) L'HERMITAGE, $\frac{1}{11}$ янв. 1695; ВЕРНОНЪ къ лорду ЛЕКСИНГТОНУ, 1 и 4 янв.; ПОРТЛАНДЪ къ лорду ЛЕКСИНГТОНУ, $\frac{13}{25}$ янв.; Вильгельмъ къ ГВЙНЗИУСУ, $\frac{22 \text{ янв.}}{1 \text{ фев.}}$

Лорды внесли законъ о цензурѣ въ число законовъ, дѣйствию которыхъ должно продолжаться. Палата общинъ рѣшила, что не соглашается на это измѣненіе, потребовала конференціи и назначила своихъ представителей на ней. Главнымъ изъ нихъ былъ сэръ Эдвардъ Кларкъ, горячій вигъ, депутатъ Тонтона, бывшаго, въ теченіе 50 бурныхъ лѣтъ, оплотомъ гражданской и религіозной свободы.

Кларкъ передалъ лордамъ на конференціи записку, излагавшую причины, по которымъ палата общинъ рѣшила не возобновлять цензурнаго акта. Эта записка очень хорошо доказываетъ основательность рѣшенія, принятаго палатою общинъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ она обнаруживаетъ, что сама палата не понимала важности своего рѣшенія, не понимала, что производитъ имъ великій переворотъ, создаетъ могущественную общественную власть. Палата сжато, ясно, сильно выставяла нелѣпости и несправедливость прекращавшагося закона, употребляя и иронию, которая тутъ очень уместна. Но всѣ ея доводы относятся только къ второстепеннымъ сторонамъ дѣла. По великому вопросу о принципѣ, по вопросу, благотворна или вредна для общества свобода печати, палата не говоритъ ни слова. Она отвергаетъ цензурный актъ не какъ законъ, вредный по самой своей сущности, но какъ причину мелкихъ неудобствъ, притѣсненій, взятокъ, торговыхъ стѣсненій, домовыхъ обысковъ, къ которымъ онъ подавалъ поводъ. Она называетъ цензурный актъ вреднымъ потому, что агентство книжной торговли, при помощи его, выжимаетъ деньги у издателей; что онъ даетъ агентамъ правительства право производить домовые обыски по бланковымъ приказамъ, уполномочивающимъ на обыскъ не именно только въ домъ такого-то лица, а въ домъ, какой найдутъ они нужнымъ обыскать; что онъ стѣсняетъ книжную торговлю съ чужими землями, ограничивая ее одною лондонскою гаванью; что онъ задерживаетъ цѣнные тюки съ книгами въ таможи до того, что книги портятся отъ сырости. Палата общинъ порицала цензурный актъ за то, что онъ не опредѣляетъ размѣра пошлины, которую цензоръ беретъ за свой трудъ съ издателя; что онъ, подъ страхомъ уголовного наказанія, запрящаетъ таможенному чиновнику вскрывать безъ цензора тюкъ

съ книгами, пришедшій изъ-за границы. Какимъ же образомъ таможенный чиновникъ можетъ знать, что въ тюкѣ нѣтъ книгъ, пока не вскрыетъ тюкъ? очень справедливо спрашивала палата. Вотъ каковы были аргументы, успѣвшіе произвести результатъ, котораго не могла произвести «*Areopagitica*» Мильтона.

Лорды уступили, не споря. Они, по всей вѣроятности, думали, что чрезъ нѣсколько времени получатъ отъ палаты новый цензурный билль, составленный лучше прежняго; и точно, въ палату общинъ былъ внесенъ новый цензурный билль, прочитанъ въ ней два раза и отданъ для разсмотрѣнія его подробностей особенной комиссіи. Но сессія кончилась, прежде чѣмъ комиссія представила палатѣ докладъ, и англійская литература освободилась, и навсегда освободилась, отъ подчиненности правительству. (*) Это великое событіе прошло почти незамѣченнымъ. Ивлинъ и Лоттрелль не сочли его заслуживающимъ упоминовенія въ своихъ дневникахъ. Голландскій посланникъ не счелъ его заслуживающимъ упоминовенія въ своихъ депешахъ. Въ *Ежемесячномъ Меркуріи* нѣтъ ни одного слова о немъ. Вниманіе общества было занято другими, гораздо болѣе интересными для него предметами.

Смерть
Гали-
факса.

Однимъ изъ предметовъ разговоровъ публички была смерть изящнѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, благороднѣйшаго изъ государственныхъ людей, воспитавшихся въ школѣ продажнаго и развратнаго Вайтголля Реставраціи. Чрезъ мѣсяцъ послѣ великолѣпныхъ похоронъ Маріи, похоронная процессія, почти столько же занявшая своею преднамѣренною простотою, прошла мимо алтаря Эдуарда Исповѣдника въ капеллу Генриха VII. Тамъ, въ нѣсколькихъ футахъ отъ гробницы Маріи, стоитъ гробница Джорджа Савиля, маркиза Галифакса.

Галифаксъ и Ноттингамъ были давнишніе друзья, и лордъ

(*) См. Commons' Journals, Feb. 11. Apr. 12 и Apr. 17; Lords' Journals, Apr. 8 и Apr. 18. 1695. Къ сожалѣнію, въ Commons' Journal за сѣданіи 12 апрѣля находится пробѣлъ, такъ что нельзя теперь сказать, былъ ли потребованъ счетъ голосовъ по вопросу о согласіи на измѣненіе, сдѣланное палатою лордовъ, или оно было отвергнуто безъ счета голосовъ.

Иландъ, оставшійся одинъ въ живыхъ изъ сыновей Галифакса, былъ обрученъ съ леди Мирри Финчъ, дочерью Ноттинггана. Былъ назначенъ день свадьбы, и радостно собралось многочисленное общество въ Bugley on the Hill, въ резиденціи отца невесты, въ домѣ, стоящемъ на одной изъ прекраснѣйшихъ террасъ нашего острова, съ которой открывается внизъ видъ на величественныя буковые и дубовыя лѣса, на богатую долину Катмоса и на окгамскую церковь. Отецъ жениха не могъ пріѣхать изъ Лондона: онъ былъ нездоровъ; но въ его нездоровьѣ не предполагалось ничего опаснаго. Вдругъ болѣзнь приняла отчаянную форму. Ему сказали, что ему остается жить лишь нѣсколько часовъ. Онъ принялъ это объявленіе съ спокойнымъ мужествомъ. Предложили послать за его сыномъ. Но Галифаксъ, мягкій къ другимъ до послѣдней минуты, не хотѣлъ разстраивать веселья свадьбы. Онъ строго приказалъ, чтобы его похоронили безъ всякой пышности, приготовился къ смерти съ благочестіемъ, изумившимъ людей, которые звали его атеистомъ, и умеръ съ свѣтлымъ спокойствіемъ философа и христіанина, между тѣмъ какъ его друзья и родные, не подозрѣвая опасности, пили здоровье молодыхъ. (*) Его законное потомство по мужской линіи скоро пресѣклось, и титулы его угасли. Часть его остроумія и краснорѣчія наслѣдовалъ сынъ его дочери, Филиппъ Стангопъ, четвертый графъ Честерфильдъ. Но, вѣроятно, не всѣмъ извѣстно, что въ числѣ бѣдныхъ и незнатныхъ авантюристовъ, успѣвшихъ пріобрѣсти себѣ нѣ только силою талантовъ, были люди, происшедшіе также отъ Галифакса. Его побочный сынъ, Генри Керри былъ поэтъ, драмы котораго привлекали нѣкогда въ театры громадныя толпы зрителей, и умныя, веселыя лирическія пьесы котораго еще живутъ въ памяти сотенъ тысячъ людей. Потомкомъ Генри Керри былъ Эдмондъ Кинъ, въ наши времена такъ дивно превращавшійся въ Шейлока, Яго и Отелло.

Много было историковъ, навлекшихъ на себя упрекъ изъ вѣн-страстін къ Галифаксу. Но память его имѣетъ особенныя права на покровительство исторіи. Отъ всѣхъ другихъ государствен-

(*) L'HELVETIQUE, 10/20 апр. 1695; BURNET, II. 149.

ныхъ людей Англии онъ отличается именно тѣмъ, что въ свою долгую политическую жизнь, въ теченіе которой было такъ много такихъ рѣзкихъ переи́нъ въ настроеніи умовъ, онъ смотрѣлъ почти на всѣ великіе вопросы своего времени съ той точки зрѣнія, которая впоследствии принята была исторіею. Его называли непостояннымъ за то, что его отношенія къ борющимся партіямъ безпрестанно измѣнялись. Точно такъ полярную звѣзду можно бы назвать непостоянною за то, что она бываетъ то на востокѣ, то на сѣверѣ отъ звѣздъ, обращающихся около полюса. Защищать старые и новые основные законы королевства нынѣ противъ мятежной толпы, завтра—противъ правительственной тирании; быть первымъ изъ защитниковъ порядка въ бурномъ парламентѣ 1680 года и первымъ изъ защитниковъ свободы въ раболѣпномъ парламентѣ 1685 года; быть справедливу и милостиву къ католикамъ во время Папистскаго заговора и къ эксклюзионистамъ во время Рай-Гаусскаго заговора; употребить всѣ усилія для спасенія головы Стаффорда и головы Росселя, — такой способъ дѣйствія современники, разгоряченные страстями и обольщаемые именами и лозунгами, натурально могли называть шаткимъ, но исторія по справедливости должна назвать совершенно другимъ именемъ.

На памяти этого знаменитаго человѣка лежитъ только одно нятно. Грустно думать, что онъ, принимавшій такое участіе въ дѣйствіяхъ Конвента, могъ потомъ унизиться до сношеній съ Сень-Жерменомъ. Этого факта нельзя оспаривать; но Галифаксу есть извиненія, которыми нельзя защищать другихъ, виновныхъ въ томъ же преступленіи. Онъ не служилъ тому королю, которому измѣнялъ, не былъ осыпанъ его милостями, какъ Марльборо, Россель, Годольфинъ и Шрусбери. Онъ сталъ искать мѣста себѣ между якобитами только потому, что былъ принужденъ къ тому неблагодарностью и злобою виговъ. Надобно прибавить, что, сдѣлавъ эту ошибку, онъ очень скоро раскаялся въ своемъ увлеченіи, что онъ, хотя уже и не примирялся съ дворомъ, отличался усерднымъ содѣйствіемъ энергическому веденію войны и что послѣднее его произведеніе — брошюра, въ которой онъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ не забывать, что, какъ ни тя-

жело кажется бремя войны, оно легко сравнительно съ игомъ Франціи и Рима. (*)

Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти Галифакса, судьба, гораздо худшая смерти, постигла его стариннаго соперника и врага, лорда-президента. Этотъ ловкій, честолюбивый и смѣлый человѣкъ опять былъ низвергнутъ. Первое его паденіе, какъ ни было страшно, не было лишено достоинства, и, съ рѣдкою ловкостью воспользовавшись политическимъ переворотомъ, онъ снова поднялся на первое мѣсто между англійскими подданными. Второе паденіе было не такъ опасно для его жизни, какъ первое, но было постыдно и безвозвратно.

Взятничество и казнокрадство, служившія обычными средствами обогащенія для тогдашнихъ должностныхъ людей, возбуждали въ обществѣ негодованіе, которое не могло, раньше или позже, не проявиться страшнымъ взрывомъ. Но деньги подвергались подъ руки, день мщенія представлялся далеко въ неизвѣстномъ будущемъ, и грабители нація хищничали съ полною смѣлостью и алчностью, когда мщеніе, давно грозившее, долго медлившее, внезапно поразило самаго гордаго и могущественнаго изъ нихъ.

Парламентскія разысканія о подкупѣ сановниковъ.

Первый рокоть приближавшейся бури не показывалъ ни направленія, какое она приметъ, ни ярости, съ какою разразится. Пѣхотный полкъ, стоявшій въ Ройстонѣ, бралъ контрибуціи съ ройстонцевъ и окрестныхъ поселянъ. Взято было не много. Во Франціи или въ Брабантѣ удивлялись бы умѣренности требованія. Но для англійскихъ лавочниковъ и фермеровъ это было, къ счастью, совершенно ново и рѣшительно невыносимо. Они послали просьбу въ палату общинъ. Палата вызвала въ свою залу и обвинителей и обвиняемыхъ, и открылось, что дѣйствительно совершенъ очень дурной поступокъ, но что есть обстоятельства, отчасти извиняющія совершившихъ его. Деньги, выданныя изъ казны на жалованье и продовольствіе имъ, были воровски задержаны ихъ полковымъ командиромъ и его агентомъ. Натурально было,

(*) *An Essay upon Taxes, calculated for the present Juncture of Affairs, 1693.*

что люди, имѣвшіе оружіе и не имѣвшіе пищи, не поцеремонились нарушить Прошеніе о Правѣ и Декларацію Права. Но менростительно было то, что солдаты оставляютъ голодать и тѣмъ доводятъ ихъ до грабежа тѣхъ самыхъ гражданъ, которые платятъ тяжелые налоги для выдачи солдатамъ щедрого жалованья, какого не назначается солдату нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Англии. Это было сильно выражено въ представленіи, поднесенномъ Вильгельму палатой общинъ. Вильгельмъ, самъ уже давно боровшійся противъ злоупотребленій, портившихъ боевую силу арміи, былъ радъ, что получилъ такую поддержку. Онъ обѣщалъ полное возстановленіе справедливости, разжаловалъ виновнаго полковаго командира, строго приказалъ исправно выдавать жалованье солдатамъ и учредилъ военную комиссію для разысканія и наказанія злоупотребленій, подобныхъ ройстонскому. (a)

Но вся администрація была въ такомъ состояніи, что, открывая одного виновнаго, находили еще десятокъ другихъ. При изслѣдованіи поступковъ ройстонскихъ солдатъ, было открыто, что была дана взятка въ 200 фунтовъ Генри Гая, депутату города Гейдона и секретарю казначейства. Гай былъ тотчасъ же посланъ въ Тоуэръ, чему очень радовались виги, потому что онъ былъ однимъ изъ прислужниковъ, доставшихся Вильгельму отъ Іакова вмѣстѣ съ домами и мебелью административныхъ мѣстъ, выказывалъ себя ультра-англиканцемъ и былъ извѣстенъ за человека, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ съ предводителями торійской партіи, особенно съ Треворомъ. (b)

Тутъ же публика впервые познакомилась съ именемъ, которое

(a) Commons' Journals, Jan. 12, Feb. 26, Mar. 6; *A Collection of the Debates and Proceedings in Parliament in 1694 and 1695 upon the Inquiry into the late Briberies and Corrupt Practices, 1695*; ЛЕРМИТАЖЪ къ генеральнымъ штатамъ, 3/18 марта; VAN SITTEB, 15/3 марта. ЛЕРМИТАЖЪ говорить: «Si par cette recherche la chambre pouvoit remédier au désordre qui règne, elle rendroit un service très utile et très agréable au Roy.»

(b) Commons' Journals, Feb. 16. 1695; *Collection of the Debates and Proceedings in Parliament in 1694 and 1695*; *Life of Wharton*; BURNET, II. 144.